

Кристина Викторовна Юськив*

Идентичность как причина появления сепаратистских тенденций (на примере Украины)

**Identity as the Cause of Separatist Tendencies
(on the Example of Ukraine)**

STUDIA I ANALIZY

Ключевые слова: Украина, Донбасс, идентичность, сепаратизм, безопасность, Новороссия

Keywords: Ukraine, Donbas, identity, separatism, security, Novorossïia

Аннотация: Активизация сепаратизма в Украине в 2014 году стала возможной за счет глубоких изменений в мировоззрении значительной части населения, которые проявились в изменении национальной самоидентификации. Целью статьи является уточнение научных представлений о сущности и взаимосвязи сепаратизма и идентичности на примере Донбасса. Аргументируется мысль об отсутствии этнического маркера в конфликте на Донбассе, в основе которого лежит специфическая региональная идентичность, к которой усилиями российской пропаганды добавляются культурные, мировоззренческие, цивилизационные характеристики «русского мира».

Abstract: The intensification of separatism in Ukraine in 2014 became possible due to profound changes in the worldview of a significant part of the population, which manifested in the changing of national self-identification. The purpose of the article is to clarify scientific ideas about the essence and relationship of separatism and identity on the example of Donbas. The article argues for the idea of the absence of an ethnic marker in the conflict in Donbass, where separatism is based on the specific regional identity, to which, through

* ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0209-2386>; ассистент кафедры международной информации, Национальный университет «Львовская политехника», Львов, Украина. E-mail: khrystyna.v.yuskiv@lpnu.ua.

the efforts of Russian propaganda, the cultural, ideological, civilizational characteristics of the «Russian world» are added.

Введение

Сегодня в условиях рисков и вызовов территориальному единству, суверенитету и национальной безопасности Украины, обусловленных изменениями на региональном и общеукраинском уровнях, особую актуальность приобретают противоречия идентичностей. В этом контексте особый интерес вызывает Донбасский регион, который стал эпицентром российско-украинской войны, которую называют «гибридной войной», «русской интервенцией», «интервенцией России», «агрессия России против Украины».

После того, как Украина обрела независимость, реализация украинского государственного и гражданского проекта как системы мер, направленных на демократизацию, деконструкцию тоталитарной властной модели, распространение украинского языка и культуры, национального исторического нарратива, формирование всеукраинской национальной идентичности на Донбассе столкнулась с атавизмами коммунистического режима. Они характеризуются идеологизированной социокультурной моделью надэтнической идентичности «советского человека», основанной на доминировании русского языка и культуры, советского исторического дискурса, верховенстве авторитарно-патерналистской ориентаций, сакрализации власти и идеологии, культы силы. После десятилетий независимости Украины Донбасс оставался носителем русской политической культуры, где население исповедовало советские ценности. Социологические опросы 2014 г. свидетельствовали о том, что 61% жителей Донбасса жалеют о распаде СССР. Поэтому манипуляции стилем истории (прежде всего советской) широко использовались как инструмент нивелирования общенациональной идентичности и формирования антиукраинских настроений в Донбассе¹.

Проблемы формирования национальной идентичности и социокультурные предпосылки становления национальных государств во многих случаях также становятся предпосылками для активизации сепаратистских движений. Эти вопросы исследовались в работах В. Землюк, М. Розумного, В. Грубова, А. Валевского, К. Уитман, Г. Яворской, а также широкого круга зарубежных исследователей, в частности Б. Андерсона, Э. Геллнера, Э. Смита. Влияния

¹ В. С. Лозовий, *Маніпуляція історією як інструмент політики*, «Стратегічні пріоритети» 2018, № 3–4, с. 149.

средств масс-медиа на формирование региональной идентичности населения Донбасса изучено в работах Ю. Николаеца. Отдельные аспекты проблем региональной идентичности Донбасса, использование истории и исторической памяти с целью манипуляции общественным сознанием освещали исследователи М. Кармазина, Т. Бевз, А. Любовец, М. Рябчук, Я. Грыцак, М. Степыко, В. Середа, В. Грыщенко, Г. Касьянов и др.

Однако, изучение темы идентичности как фактора появления сепаратистских тенденций в Украине довольно фрагментарны и требуют более глубокого анализа. Дальнейшего выяснения требует исследование исторической политики как механизма формирования анти-украинских настроений в Восточной Украине.

Целью статьи является изучение и уточнение научных представлений о сущности и взаимосвязи таких феноменов и понятий как сепаратизм и идентичность на примере Донбасса как инструмент политики раскола Украины.

Результаты изучения

Для решения кризисных ситуаций, связанных с сепаратизмом, возникает проблема выяснение причин этих тенденций. Следует отметить, что во многих случаях причина сепаратизма может быть многоаспектной, это существенно усложняет процесс урегулирования, поскольку в такой ситуации надо принимать во внимание все ее проявления. Американская исследовательница Мета Спенсер в своей работе «Separatism: democracy and disintegration» выдвинула мнение национальная идентичность является движущим фактором практически всех сепаратистских тенденций. Но эта проблема становится более актуальной когда формирование этой национальной идентичности проходит под влиянием внешних факторов. В таком случае сепаратизм может быть своеобразным ответом на притеснения и угнетения этнической группы или воплощение интересов третьей стороны².

Часть исследователей считает, что идеология сепаратизма должна исходить из исторического опыта независимости нации, которая имела место в данном регионе. Однако в случае, если таких предпосылок нет, сепаратизм опирается на идеи независимости идентичных территорий или близких по происхождению этносов. Как отмечает А. Цебенко, националисты в таких случаях могут прийти к согласию с центральной властью, сделав предметом торга тот или иной уровень автономии для своего народа или

² М. Spenser, *Separatism: democracy and disintegration*, Boston 1998, с. 15.

региона³. Впрочем, нужно помнить, что такая автономия, как правило, сужает возможности центральной власти влиять на ситуацию в определенном регионе. Например, АР Крым имела фактически собственную законодательную и исполнительную власти, которые зачастую занимали откровенно пророссийские позиции.

Сепаратизм возникает и проявляется в политических практиках в культурно неоднородных, многоэтнических (мультикультурных) обществах, а потому угрожает практически каждой современной стране. Однако, иногда он становится реальной угрозой национальной безопасности, воплощается в сильных сепаратистских движениях, в других – в маргинальных партиях или организациях, которые существенно не влияют на общественно-политическую жизнь⁴. Можно выделить целый ряд факторов сепаратизма, например, социально-экономические, этнические или религиозные, борьба элит за власть и политический статус, исторические, социокультурные. Эти внутренние факторы формирования сепаратизма присутствуют в большинстве случаев, в том числе и в Украине. Однако важны и внешние факторы, в частности политическая и информационная поддержка, дипломатическое и экономическое давление других государств или заинтересованных групп, финансирование сепаратистов. Сегодня для безопасности особенно угрожающей является тенденция поддержки сепаратистских движений извне, что способно спровоцировать взрыв межгосударственных пограничных конфликтов и втянуть в конфликт едва ли не весь регион⁵. Сепаратизм обычно является следствием всех или большинства определенных факторов, однако все они в той или иной степени являются укоренившимися в социокультурном контексте, что приводит к восприятию проблем, степени их остроты, реальности или мнимости⁶.

Особым видом межэтнических отношений является объединительные сепаратистские движения представителей одной этнической группы, находящихся в составе различных государств; такой тип отношений выходит за пределы внутригосударственных и затрагивает интересы нескольких государств. Много межгосударственных конфликтов связаны со стремлением этносов реализовать право на самоопределение, что свидетельствует о противоречии между принципом территориальной целостности и принципом

³ О. О. Цебенко, *Ідеологічні засади сепаратизму*, «Актуальні проблеми міжнародних відносин» 2011, Вип. 99, ч. 2, с. 93.

⁴ Л. Угрин, *Ідентичність як категорія аналізу сепаратизму: український контекст*, «Політикус» 2016, № 1, с. 55.

⁵ Х. Юськів, *Наративи російської пропаганди в Україні*, «Вісник Львівського університету. Серія філос.-політолог. студії» 2020, Випуск 30, с. 228.

⁶ Л. Угрин, *Ідентичність як категорія аналізу сепаратизму...*, с. 55, 56.

права на самоопределение. В связи с этим можно говорить о ситуативном характере одобрения или осуждения того или иного проявления сепаратизма⁷.

И. Байрамова рассматривает сепаратизм как крайний полюс этнической идентичности и определяет место сепаратизма в структуре идентичности следующим образом: сепаратизм появляется тогда, когда этническая идентичность не соответствует национальному самосознанию, то есть когда интересы этноса не совпадают с официальным вариантом национальной идеи⁸. А Л. Угрин замечает, что кризис идентичности и конфликтность региональных идентичностей в Украине занимают важное место среди совокупности внутренних и внешних детерминант сепаратизма. Их восприятие является косвенным в связи с исторически сложившимися и технологически сконструированными смыслами, ценностями, дискурсами⁹. Не менее важна региональная идентичность, ведь индивид в первую очередь начинает усваивать ценности и нормы своей этнической общности и своего территориального сообщества, а уже потом – общенациональные, то есть этническая и региональная идентификации предшествуют национально-государственной¹⁰.

М. Розумный считает, что политика идентичности, которая затрагивает многие аспекты общественной жизни, связана с политикой регулирования межэтнических отношений, которая является ее составной и включает в себя поддержку и защиту интересов этнических групп и национальных меньшинств, противодействие проявлениям ксенофобии и нетерпимости на культурной, этнической и религиозной почве, а также способствует интеграции меньшинств в политической нации¹¹.

Сформирована национальная идентичность является составляющей национальной безопасности, поэтому она должна стать первоочередным объектом политики идентичности¹². Стоит обратить внимание на мнение, высказанное украинским исследователем К. Литвиненко, который отмечает, что национализм, с одной стороны, способствует образованию национальных государств, а с другой – может стать идеологической основой распространения сепаратизма.

⁷ Н. В. Горло, *Функціональні та концептуальні моделі політики ірідентизму*: дис. на здобуття наукового ступеня доктора політичних наук: 23.00.02 – політичні інститути та процеси, Львів 2019, с. 23.

⁸ И. М. Байрамов, *Сепаратизм как крайнее проявление этнической идентичности*, «Політикус» 2016, № 1, с. 190.

⁹ Л. Угрин, *Ідентичність як категорія аналізу сепаратизму...*, с. 55.

¹⁰ Н. В. Горло, *Функціональні та концептуальні моделі політики ірідентизму...*, с. 258.

¹¹ М. Розумний, *Політика ідентичності та її реалізація в умовах національного суверенітету*, «Українознавчий альманах» 2012, Вип. 8, с. 32.

¹² Н. В. Горло, *Особливості формування політики ідентичності в умовах модернізації політичної системи*. [в:] *Соціальне прогнозування та проектування майбутнього країни в умовах глобальних конфліктів: Матеріали V міжн. наук. конф.*, Запоріжжя 2015, с. 55.

ратизма у народов, которые были дискриминированы в праве на создание собственного государства или разделены территориями других государств (то есть национальная идентичность может вызвать сепаратизм)¹³. Американская исследовательница П. Пемир отмечает, что парадоксальным признаком национализма является то, что он на разных этапах может служить целям, которые полностью противоречат друг другу. Во-первых, он выступал в качестве главной идеологии, которая обосновывала право народов добиваться самоопределения и политической государственности. Во-вторых, он стал для созданных в дальнейшем государств идеологическим обоснованием для проведения политики обеспечения того, чтобы определенная «нация» была собрана в пределах одного государства. И в-третьих, он стал инструментом, с помощью которого недовольное меньшинство или определенная этническая группа в рамках национального государства могла бросить вызов государственной власти или поставить под сомнение ее претензии на легитимность, которые в демократических системах формально опираются на доктрину самоопределения и народного суверенитета¹⁴. Таким образом, национализм, в этом его понимании, способствовал формированию, выживанию, но также и расколу национальных государств.

Относительно украинских реалий М. Степыко верно отмечает, что «недостаточная сформированность национальной идентичности украинцев является основой для вполне реальных угроз – активизации сепаратизма и федерализма, спекуляций вокруг «языкового вопроса», внешнеполитических приоритетов развития страны, поляризации и радикализации электорального поля и политических сил»¹⁵.

Мы полагаем, что в резко фрагментированных обществах ядро национальной идентичности должно формироваться в равной степени, основываясь на комплексе факторов как социокультурных – язык, история, культура, так и социоэкономических – уровень жизни населения и возможности для самореализации. В отдельных случаях необходима ресоциализация индивидов, которые являются носителями архаичных идентичностей, например, советской – хотя СССР уже давно не существует, на ментальном уровне многие до сих пор мыслят категориями советского времени. Сейчас в Украине одним из

¹³ К. О. Литвиненко, *Гуманітарні чинники генерування сепаратистських рухів в Україні*: дис. на здобуття наукового ступеня кандидата філософських наук: 21.03.01 – гуманітарна і політична безпека держави (філософські науки), Київ 2018, URL: http://old2.niss.gov.ua/public/File/20219_01_02/dis_Lytvynenko.pdf (15.06.2021).

¹⁴ P. Pamiir, *Nationalism, Ethnicity and Democracy: Contemporary Manifestations*, «International Journal of Peace Studies» 1997, № 2–2, http://www.gmu.edu/programs/icar/ijps/vol2_2/pamir.htm (15.06.2021).

¹⁵ М. Т. Степыко, *Українська ідентичність: феномен і засади формування*, Київ 2011, с. 332.

важных путей «санации» социокультурных представлений является декоммунизация общества¹⁶.

Для Украины проблема сепаратизма особенно актуальна не только потому, что сепаратистские движения нарушили ее территориальную целостность, вызвали многочисленные человеческие и материальные потери, вовлекли в «гибридную войну». Дело в том, что украинские движения за автономию, позже – за государственную независимость, неоднократно становились объектами обвинений в сепаратизме со стороны российских и советских политиков, идеологов, публицистов. Данные обвинения всегда были направлены на дискредитацию и делегитимации украинской государственности. Содержание их сводится к тому, что любые государственные стремление украинцев являются угрозой для существования «единой и неделимой» России, эти стремления являются безосновательными, поскольку не поддерживаются подавляющим большинством украинцев, что собственно никаких «украинцев» на самом деле не существует, а есть «малороссияне» как неотъемлемая часть русского народа; Украина как самостоятельное государство является не только политическим нонсенсом, но и преступлением против собственного населения. Критика «украинского сепаратизма» переходила в критику «украинского национализма», то есть любой формы политической самоорганизации украинцев, каких-либо усилий по развитию и распространения украинского языка, культуры, образования¹⁷.

Эта проблема активно освещается российскими авторами, большинство которых интерпретируют события на Востоке Украины с пропагандистских позиций как «гражданскую войну» или «восстановление исторической справедливости», а причиной называют внутренний кризис, обусловленный Майданом 2014–2015 гг. Они же, соответственно, отрицают агрессию РФ. Такая позиция характерна и для некоторых западных ученых. Например, британский политолог Р. Саква в книге «Украина на линии огня: кризис в пограничье» изображает Россию как пострадавшую сторону, а ответственность за кризис лежит на Украине¹⁸.

Идеологическое обеспечение вооруженной агрессии РФ на Донбассе разворачивалось в рамках доктрины «русского мира». Как политическая технология она начала разрабатываться в конце 1990-х годов, была концептуализирована и взята на «вооружение» российским государством в 2005–2007 гг. С целью консолидации общества вокруг путинского режима и для обоснования внешнеполитического курса на «собираание земель» укра-

¹⁶ Н. В. Горло, *Функціональні та концептуальні моделі політики іредентизму...*, с. 260.

¹⁷ К. О. Литвиненко, *Гуманітарні чинники генерування сепаратистських рухів в Україні...*

¹⁸ Л. Угрин, *Ідентичність як категорія аналізу сепаратизму...*, с. 56.

инский Донбасс был превращен в полигон, где российские оккупационные силы, спецслужбы, политтехнологи и спецназовцы испытывали различные варианты идеологического программирования общественного сознания, а подопытными выступало местное население.

Термин «Новороссия» был использован для названия «надгосударственного» объединения «республик», создание которого было провозглашено в конце мая 2014 года. Произошло и переименование незаконных военных формирований в Донецкой области, которые стали называть «армия Новороссии». Проект «Новороссия» отражал имперский взгляд на Юг и Восток Украины, и в таком виде не имел опоры на осознание местного населения, в чьей исторической памяти ни одной «Новороссии» не было¹⁹. Оккупационная идеология содержит такую составляющую как апелляция к региональной идентичности «Донбасса» как особого региона не только в Украине, но и на всем постсоветском пространстве. Однако при этом акцентируется внимание на его незыблемых связях с Россией.

С начала украинского кризиса наблюдаются целенаправленные усилия российской стороны по ее трактовки, и в первую очередь конфликта на Донбассе, в этнических категориях. То есть, российская пропаганда для того, чтобы оправдать любые действия России против Украины пытается преподнести кризис в Украине как гражданскую войну (между украинцами и русскими Востока Украины). Это позволяет аргументировать свою поддержку сепаратистам (защита этнических русских) и сецессии юго-восточных территорий (право наций на самоопределение).

Российская пропаганда работала в направлении популяризации трех основных нарративов. Первый – это якобы ущемление русских и русскоязычных новой киевской властью. Защита россиян была аргументом в аннексии Крыма и поддержки сепаратистов в Донбассе. Второй тезис – это историческая обоснованность принадлежности России юго-восточных регионов Украины, или так называемой «Новороссии». И третий тезис – создание новых сепаратистских формирований, объединенных титулом «Новороссия», является реализацией самоопределения другой, неукраинской (т.е. русской) идентичности этих территорий²⁰.

Многие жители Донбасса еще по сей день воспринимают свое прошлое сквозь призму советского мировоззрения, поэтому для них победа Красной армии над нацистской Германией стала составной идентичности, связанной с общим героическим советским прошлым и Россией как наследницей СССР.

¹⁹ *Війна на Донбасі: реалії і перспективи врегулювання: аналітична доповідь*, https://deis.menr.gov.ua/lib/files/2019_Donbas.pdf (15.06.2021).

²⁰ S. Pakhomenko, *Identity Factor in Terms of the Ukrainian Crisis (the Example of The Donbas Region)*, «Bezpieczeństwo. Teoria i Praktyka» 2015, Nr 3, с. 94.

В годы независимости Украины благодаря мощной пропагандистской кампании антиукраинских сил как внутри Украины, так и в России Донбассу навязывался преувеличенный стереотип, что распространение украинского языка и культуры, национальной версии истории – это проявление национализма, а следовательно, нацизма и фашизма. В рамках мобилизационных технологий начались поиски исторических фактов и образов исторической памяти, которые дали бы основания определять определенные политические силы как защитников интересов региона. На этом основании в массы продвигалась идеологема об особенностях и отдельной «идентичности Донбасса», которую активно использовали антиукраинские политики²¹.

Значительные рудименты советской политической культуры, которая базировалась на противостоянии и борьбе «наших и врагов», побудили политтехнологов использовать советский миф Великой Отечественной войны и культ Победы. Пропаганда культа Победы закрепляла стереотип о «расколоте Украины», который делит украинцев на «западников-фашистов» и жителей востока – «интернационалистов-антифашистов». Украинская идентичность постепенно стала связываться с национализмом и «фашизмом», а российская – с интернационализмом и антифашизмом. Искусственно противопоставлялись «украиноязычный проевропейский Запад» и «пророссийский, ностальгирующий по Советскому Союзу, Восток», эти регионы делились на два социокультурных сообщества с разной исторической памятью и идентичностью, которым трудно сосуществовать в одном государстве²².

С целью дезинтеграции Украины, как доказательство существования отдельной донецкой идентичности, использовано факт существования в 1918 году Донецко-Криворожской Советской Республики, что трактовалось как один из символов «донецкой отдельности», даже государственной традиции, и якобы свидетельствовало о существовании отдельной общественно-политической идентичности Донбасса. Современные «строители государства» Донбасса пытаются проводить исторические параллели между 1918 и 2014 годами, утверждая, что вновь наблюдается противостояние между прозападной Украиной и пророссийским Донбассом²³.

Также активно продвигается концепт о единстве восточнославянских народов. Донецкие «ученые» Л. Крутова и А. Пенькова пишут: «Сегодня этнология определяет восточнославянские народы как устойчи-

²¹ В. С. Лозовий, *Маніпуляція історією як інструмент політики...*, с. 149.

²² Там же, с. 150.

²³ Там же, с. 151.

вую мега этническую общность, или единственный суперэтнос»²⁴. То есть высказывается мнение о том, что возрождается старая имперская концепция триединого русского народа.

Концептуализация противоречий идентичностей позволила понять суть проблемы конфликтов на почве поляризованных идентичностей. Проблемы с идентичностью в Донбассе были всегда. Доминантной чертой на протяжении десятилетий продолжает оставаться депрессивный характер региона и нерешенность многих важных проблем. Среди них стоит выделить: рефлекс территории, региональные особенности, региональная поляризация, культурные метаморфозы, пророссийская пропаганда, «русский мир», территориальные расколы, региональная биполярность в оценках прошлого, ценностных приоритетов, различие не только в разном видении повседневности, но и в видении прошлого, настоящего и будущего. Противоречия, заложенные в донецкую региональную идентичность, сработали неожиданным разрушительным способом²⁵.

Как справедливо отмечает С. Пахоменко, на то, что в конфликте нет этнического размежевания сторон указывают русскоязычность и неукраинское этническое происхождение значительной части украинской армии и добровольческих батальонов. Показателем, указывающим на идентичность сторон конфликта, может быть их самоназвание. В официальных названиях донбасских ополченцев никогда не фигурирует этноним «русские», в лучшем случае они называются «пророссийские». Не произошло и популяризации языковой конструкции «Новороссия», которая могла бы обозначать этническую идентичность Юго-Востока. Как уже отмечалось, этим названием никогда не обозначалась идентичность населения данных территорий. Названия самопровозглашенных республик содержат территориальный контент – Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика – производные от топонимов, но никак не этнонимов. При этом само обозначение «народная» указывает на определенную долю социального (но не этнического) популизма их идеологов. Выбранный символ (флаг) «Новороссии» не имеет никаких исторических и этнических корней²⁶.

Наиболее распространенным в современном мире является этнический сепаратизм, поскольку практически каждое этносоциальное сообщество пытается использовать право на самоопределение и реализовать его до

²⁴ Л. А. Крутова, О. Б. Пенькова, *Современные подходы к изучению истории Донбасса*, «Журнал исторических, политологических и международных исследований» 2015, № 1 (55), с. 53.

²⁵ Т. Бевз, *Суперечності ідентичностей у Донбаському регіоні*, «Наукові записки» 2015, Вип. 3, с. 140.

²⁶ S. Pakhomenko, *Identity Factor in Terms of the Ukrainian Crisis...*, с. 95.

создания собственного государства (а именно в таком ключе РФ стремится интерпретировать ситуацию на Донбассе). Однако, стоит подчеркнуть, что сепаратистские движения используют квази национальные идеологии, которые могут быть инспирированы третьей стороной (в данном случае – инспирация / поддержка сепаратизма на Востоке Украины РФ). Важна роль также политизации региональных культурных различий в искусственном и форсированном формировании новых квази национальных идентичностей. А поскольку целью любого сепаратизма является реализация определенного национального или квази национального проекта, он должен взывать к таким реальным или воображимым характеристикам национальной общности как язык, культура, религия, историческая память.²⁷

Заключение (выводы)

Конфликт идентичностей выступает одним из первоочередных условий формирования сепаратистских настроений. Доминирование в идентификационной системе индивида этнической или региональной идентичности в противовес общенациональной является угрожающим, когда родственное государство осуществляет мощное информационное влияние на сознание представителей родственных групп. Поэтому полиэтничное государство должно проводить достаточно активную политику идентичности как совокупности целенаправленных шагов по формированию у граждан совместной общенациональной идентичности. Для этого необходима разработка такой национальной идеи, которая воплощает гуманистические ценности и открывает перед обществом и каждым индивидом новые перспективы. Последовательное проведение политики идентичности способно обеспечить формирование у различных регионов Украины общенациональной идентичности, а вместе с ростом экономического благосостояния это может обезопасить государство от формирования центробежных настроений.

Одной из основных стратегий антиукраинских сил России на востоке Украины является искажение прошлого. Также важной составной частью антиукраинской политики стали манипуляции со стилем истории, которые использовались как инструмент нивелирования всеукраинской идентичности на Донбассе – регионе с конфликтогенным потенциалом различных идентичностей. Здесь воплощалась политика по консервации советско-ностальгического нарратива памяти и дискредитации украинского национального движения как «националистического».

²⁷ К. О. Литвиненко, *Гуманітарні чинники генерування сепаратистських рухів в Україні...*

В регионе основное внимание сосредоточено на продвижении концепта «особой донбасской идентичности», использовании фактов-событий, связанных с Великой Отечественной войной, Донецко-Криворожской Советской Республикой, Новороссией. Наконец, регионально-исторические различия вызвали регионально-политические противоречия, что наряду с другими факторами спровоцировало военно-политический кризис на востоке Украины. Исторические прецеденты выдвигаются как такие, что легитимизируют политические действия той или иной стороны, в частности обосновывают неукраинскую идентичность населения Донбасса и, соответственно, закономерность возникновения квазиреспублик «ДНР» и «ЛНР». Целью исторических манипуляций является легитимация сепаратизма на Донбассе, отрыв этого региона от Украины и его возможная интеграция с Россией.

Долгие годы местные региональные элиты Донбасса стимулировали региональную идентичность в своих политических интересах, используя ее в качестве аргумента в предвыборной борьбе, но не допуская открытого сепаратизма. И только участие РФ в организации и координации массовых сепаратистских протестов весной 2014 года, а затем российское военное вмешательство в противостояние обеспечили результативность сепаратистского движения и продолжительность военного конфликта. Скептически относясь к фактору «донецкой идентичности» в конфликте, первоочередными его факторами считаем именно протяженность границы с РФ, нейтральность местных элит по отношению к дестабилизации региона и невозможность украинской власти быстро и адекватно противостоять эскалации конфликта. Поэтому, в этом конфликте идентичность, что противостоит украинскому государству, может быть описана, прежде всего, как территориальная с некоторыми идеологическими, «русско-космическими» цивилизациями и марками убеждений «русского мира», созданные усилиями пропаганды.

Библиография

- Y. M. Bayramov, *Separatyzm kak kraynee proiavlenye etnycheskoy ydentychnosti*, «Politykus» 2016, No 1.
- T. Bevz, *Superechnosti identychnosti u Donbaskomu rehioni*, «Naukovi zapysky» 2015, Vyp. 3.
- N. V. Horlo, *Funktsionalni ta kontseptualni modeli polityky iredentyzmu: dys. na zdobuttia naukovoho stupenia doktora politychnykh nauk: 23.00.02 – politychni instytuty ta protsesy*, Lviv 2019.
- N. V. Horlo, *Osoblyvosti formuvannia polityky identychnosti v umovakh modernizatsii politychnoi systemy* [В:] *Sotsialne prohnouzuvannia ta proektuvannia maybutnoho kraïny v umovakh hlobalnykh konfliktiv: Materialy V mizhn. nauk. konf.*, Zaporizhzhia 2015.

- L. A. Krutova, O. B. Penkova, *Sovremennyye podkhody k yzuchenyyu ystoriyi Donbassa*, «Zhurnal ystorycheskykh, polytolohycheskykh y mezhdunarodnykh yssledovaniy» 2015, № 1 (55).
- V. S. Lozovyj, *Manipulyaciia istoriyeyu yak instrument polityky*, «Stratehichni priorytety» 2018, № 3–4.
- K. O. Lytvynenko, *Humanitarni chynnyky heneruvannia separatystskykh rukhiv v Ukraini: dys. na zdobuttia naukovooho stupenia kandydata filosofskykh nauk: 21.03.01 – humanitarna i politychna bezpeka derzhavy (filosofski nauky)*, Kyiv 2018. URL: http://old2.niss.gov.ua/public/File/20219_01_02/dis_Lytvynenko.pdf, (15.06.2021).
- S. Pakhomenko, *Identity Factor in Terms of the Ukrainian Crisis (the Example of The Donbas Region)*, «Bezpieczeństwo. Teoria i Praktyka» 2015, Nr. 3.
- P. Pamiir, *Nationalism, Ethnicity and Democracy: Contemporary Manifestations*, «International Journal of Peace Studies» 1997, № 2–2, http://www.gmu.edu/programs/icar/ijps/vol2_2/pamiir.htm, (15.06.2021).
- M. Rozumnyy, *Polityka identychnosti ta yiyi realizatsiia v umovakh natsionalnoho suverenitetu*, «Ukrainoznavchyy almanakh» 2012, Vyp. 8.
- M. Spenser, *Separatism: democracy and disintegration*, Boston 1998.
- M. T. Stepyko, *Ukrayinska identychnist: fenomen i zasady formuvannia*, Kyiv 2011.
- O. O. Tsebenko, *Ideolohichni zasady separatyzmu*, «Aktualni problemy mizhnarodnykh vidnosyn» 2011, Vyp. 99, ch. 2.
- L. Uhryn, *Identychnist yak katehoriia analizu separatyzmu: ukrayinskyi kontekst*, «Politykus» 2016, No 1.
- Vina na Donbasi: realii i perspektyvy vrehuliuvannia: analitychna dopovid*, https://deis.menr.gov.ua/lib/files/2019_Donbas.pdf, (15.06.2021).
- Kh. Yuskiv, *Naratyvy rosiiskoi propahandy v Ukraini*, «Visnyk Lvivskoho universytetu. Seriia filos.-politoloh. studii» 2020, Vypusk 30.